

Игорь ЕФИМОВ

ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

В этот час, в этот час, в этот миг
над карнизами кружится снег.
В этот час мы уходим от них,
в этот час мы уходим навек...
На чужбине отцы голосят:
«Никаких возвращений назад!»

Иосиф Бродский

Вплоть до века Просвещения порыв человека к бессмертию повсюду реализовался в его религиозной жизни. Мой Бог, моя вера — это то, что было до меня и пребудет после. Пока я принадлежу своей церкви и сражаюсь за нее, я могу повторять за поэтом: «Нет, весь я не умру». Но научные открытия XVI—XVII веков пошатнули многие догматы христианства. Под их напором церковь начала дробиться, утрачивать былую цельность, терять монополию на обладание абсолютными истинами, на причастность к вечности. Душа человека начала искать новых путей к бессмертию, и отсюда выросло новое мистическое осознание важности национальных корней.

Твое племя, твой народ, говорящий на твоём языке, бережно хранящий заветы предков, традиции, обычаи и в то же время глядящий с надеждой на бескрайние горизонты грядущего, — вот что давало надежду продлить индивидуальное существование за могильную черту. Именно поэтому начиная с XVIII века религиозные войны сходят на нет, и их место — по частоте, свирепости, кровопролитности — занимают войны за национальную независимость.

В этих войнах почти исчезает загадочный иррациональный элемент. Мы видим народ, племя, национальное меньшинство, обуреваемое естественным порывом

Игорь Маркович Ефимов родился в 1937 году в Москве, писатель, философ, издатель. Эмигрировал в 1978 году, живет с семьей в Америке, в Пенсильвании. Автор пятнадцати романов, среди которых «Зрелища», «Архивы Страшного суда», «Седьмая жена», «Пелагий Британец», «Суд да дело», «Новгородский толмач», «Неверная», «Обвиняемый», а также философских трудов «Практическая метафизика», «Метаполитика», «Стыдная тайна неравенства», «Грядущий Аттила» и книг о русских писателях: «Бремя добра» и «Двойные портреты». В 1981 году основал издательство «Эрмитаж», которое за 27 лет существования выпустило 250 книг на русском и английском языках. Преподавал в американских университетах и выступал с лекциями о русской истории и литературе. Почти все книги Ефимова, написанные в эмиграции, были переизданы в России после падения коммунизма. В 2012 году в Москве были опубликованы его воспоминания в двух томах: «Связь времен». В 2015-м — два исторических романа: «Джефферсон» и «Ясная Поляна». В 2017 году опубликовано исследование «Сумерки Америки. Саркома благих намерений». Более подробную информацию можно получить в www.igor-efimov.com.

вом, имеющее ясную цель. Оно было бы радо достичь этой цели мирным путем, но так как верховная власть в государстве по разным причинам и под разными предлогами препятствует освобождению, народ берется за оружие. Попробуем взглянуть в несколько исторических примеров долгих освободительных войн, приведших к образованию самостоятельных государств наших дней. Возможно, такой обзор поможет нам глубже понять природу сепаратистских войн, полыхающих сегодня.

Соединенные Штаты Америки

Обе главные войны, протекавшие на территории Северной Америки, можно отнести и в разряд «гражданских», и в разряд «сепаратистских». Попробуем задаться вопросом: «А что бы произошло, если бы правительство в Лондоне 1776 года и правительство в Вашингтоне 1861 года позволили недовольным районам своих стран мирно отделиться?» Скорее всего, в обоих случаях войны удалось бы избежать. История знает такие примеры: мирно отделилась Псковская республика от Новгородской в XIV веке; Швейцарские кантоны порвали свои связи с германскими княжествами; в XX веке без войны распалась на два государства Чехословакия; а Россия так просто отпустила на волю вольную 15 народов. Но в 1776 году Великобритания не позволила своим колониям отделиться, и запыхавшая война заслуженно получила название «За независимость».

Читателя, желающего расширить свои знания о возникновении США, я отсылаю к своим документально-историческим романам «Бунт континента» и «Джефферсон»¹. Здесь же мне хотелось бы выделить несколько важных моментов, не получивших до сих пор должного освещения в исторических исследованиях.

Первый момент: религиозный аспект противоборства. Он остался в тени, потому что на первый план вышли речи, призывы, трактаты, статьи, дебаты отцов-основателей и участников первых конгрессов, которые в большинстве своем чаще посещали массонские ложи, чем церкви. Но народная масса крепко держалась верований своих отцов и дедов, то есть пуритан, пресвитериан, гугенотов, баптистов. Для нее доминирующее положение епископальной церкви, поддерживаемое королевским губернатором, было в тягость. Тем более что Лондон часто отправлял в колонии священников не первого сорта, с подмоченной репутацией, в чем-то прощтрафившихся или даже спивающихся.

Другой малоосвещенный повод для недовольства: попытки парламента регулировать отношения колонистов с индейцами. Лондонские гуманисты, начитавшиеся трактатов Руссо о равенстве и уверовавшие в сочиненного им «естественного человека», то есть доброго и благоразумного дикаря, понятия не имели о том, что представляет собой жизнь поселенцев на западной границе. Коварные и безжалостные нападения племен, убийства женщин и детей, сдирание скальпов они интерпретировали как естественную реакцию на иноземное вторжение. Они даже не знали, что индейцы не имели такого понятия: «провести границы и не пересекать их». Делить территорию для них было такой же нелепостью, как делить свет, дождь, воздух.

Многим колонистам, участвовавшим в войне с французами в 1755–1763 годах, обещаны были в виде вознаграждения незанятые земельные участки на необжитых территориях. Но эти вознаграждения оставались только на бумаге. Вступить во владение участками колонистам запрещалось, если королевский чиновник объявлял это нарушением прав туземного населения.

¹ Игорь Ефимов. Бунт континента, Звезда 2014. № 4. Джефферсон // М. Молодая гвардия. 2015.

Вся декада, предшествовавшая началу войны, была заполнена отправкой жалоб и петиций королю и парламенту, демонстрациями против введения налогов, организацией различных обществ, бойкотом импортных товаров и другими мирными акциями протеста. В парламенте хотя и раздавались голоса в поддержку американцев, они оставались в меньшинстве. А когда в Бостоне был выброшен в море с кораблей груз чая, обложенный ввозной пошлиной (1773), правительство решило, что пора применить силу. В колонию были присланы войска, а бостонский порт закрыт, что лишало торговый город средств к существованию.

4 июля 1776 года принято считать датой основания США, ибо в этот день была торжественно оглашена Декларация независимости, подготовленная Джефферсоном и утвержденная конгрессом, собравшимся в Филадельфии. Но на самом деле к этому моменту война уже тянулась больше года, в основном на территории Массачусетса. Когда в апреле 1775 года британское командование послало полк солдат в Лексингтон и Конкорд для захвата арсеналов колонистов и ареста «главарей бунтовщиков», оно не ожидало, что перед посланными подразделениями как из-под земли вырастут отряды ополченцев и полку придется отступить после кровопролитных стычек с ними.

Осенью того же года в Массачусетс прибыл генерал Джордж Вашингтон с войсками, набранными в других колониях, и осадил британский гарнизон в Бостоне. Не могло быть и речи о том, чтобы штурмовать хорошо укрепленный город. Армия американцев состояла из необученных добровольцев полных энтузиазма, но понятия не имевших о том, что такое дисциплина. Вольнолюбивые охотники, фермеры, рыбаки, ремесленники совершенно не привыкли к тому, чтобы кто-то с утра до вечера говорил им, что следует делать.

У осаждавших не хватало пороха, оружия, продовольствия, зимнего обмундирования. Окрестный лес скоро вырубил на дрова, и солдаты мерзли в наспех вырытых землянках. Если доброволец получал из дома какое-нибудь тревожное известие, он считал себя вправе устроить себе отпуск да еще прихватить с собой ружье, чтобы подстрелить какую-нибудь дичь по дороге. С наступлением весны можно было ожидать прибытия мощных подкреплений из Британии. Необходимо было что-то срочно предпринять до этого момента.

Из всех предлагавшихся ему планов Вашингтон выбрал тот, который содержал элемент внезапности. За триста миль к западу от Бостона, в отбитом у британцев форте Тикандерога были захвачены в качестве трофеев великолепные мортиры, гаубицы, кулеврины — всего около шестидесяти стволов. Полковник Генри Нокс с небольшим отрядом и с бескорыстной помощью жителей городков, расположенных на пути следования, сумел провести через заснеженные горы караван тяжелых саней, нагруженных грозной артиллерией.

Теперь предстояло осуществить второй этап задуманного плана. К юго-западу от Бостона находились Дорчестерские высоты, с которых открывался вид на гавань, где зимовал британский флот. Было ясно, что любая попытка захватить эту выгодную позицию и начать устанавливать батареи вызовет убийственную контратаку осажденных, которую будет невозможно отбить на неукрепленных позициях. Решено было использовать прием, описанный в английской книге по фортификации, — *переносные бастионы*.

Делались они так: из двенадцати бревен длиной в человеческий рост сколачивался пустой куб, который заполнялся связками хвороста. Такую конструкцию можно было легко разобрать, погрузить на подвод, доставить в нужное место и собрать заново. Удара ядра подобный бастион выдержать не мог, но вполне защищал от пуль и картечи.

В глубокой тайне три тысячи солдат были отправлены в окрестные горы заготавливать фортификационную новинку. В разобранном виде бастионы подвозили по ночам к Дорчестерским высотам. Чтобы заглушить стук колес, в назначенную ночь начался массивный артиллерийский обстрел города. И наутро изумленные британские моряки увидели нечто непостижимое: на вчера еще голых холмах выросли вражеские редуты, ошетинившиеся пушечными стволами.

«Немедленно атаковать!» — приказал адмирал Хоу. Но его офицеры указали ему на то, что холмы слишком высоки и ядра корабельных пушек их не достигнут, а без мощной артподготовки атака по голым склонам холмов под огнем картечи обернется бессмысленным кровопролитием. Было решено вступить в переговоры с осаждавшими. «Если вы дадите флоту и гарнизону уплыть беспрепятственно, мы не станем сжигать город», — предложили британцы. Осаждавшие согласились на эти условия, и в марте 1776 года английский флот, перегруженный войсками и семьями тех американцев, которые остались верны королю (лоялисты), покинул гавань Бостона².

В дальнейшем ходе войны Вашингтону тоже удавалось одерживать победы над регулярной британской армией только тогда, когда можно было напасть на нее врасплох. В боях за Нью-Йорк осенью 1776 года это оказалось невозможно, и британцы смогли захватить город, в котором лоялисты встретили их с восторгом. Во время отступления через колонию Нью-Джерси американская армия таяла не только от вражеских пуль и ядер, но и оттого, что у ополченцев кончались сроки службы, и они уходили домой. В декабре осталось лишь две с половиной тысячи солдат, отброшенных за реку Делавер. Британцы считали, что эта оборванная, замерзающая толпа не представляет никакой угрозы и в течение зимы она растает сама собой. Этой самоуверенностью врага и воспользовался Вашингтон.

Из сообщений лазутчиков он знал, что в городе Трентон расположился отряд гессенских наемников числом в полторы тысячи. В рождественскую ночь с 25-го на 26 декабря под прикрытием снежного бурана американцы, расталкивая льдины веслами, пересекли Делавер, проделали восьмимильный марш-бросок по лесистому левому берегу и на рассвете обрушились на спящий город. После недолгого боя они захватили 900 пленных, большие запасы пороха, фуража, мушкетов, несколько орудий. Этот успех необычайно поднял дух восставших, вернул им надежду на возможность победы.

Сражения продолжались несколько лет и в северных, и в южных колониях. В 1778 году Франция вступила в союз с американцами и объявила войну Англии. Это дало возможность Вашингтону подготовить и осуществить осенью 1781 года блистательную операцию по окружению и разгрому британской армии под Йорктауном, в Вирджинии. И снова элемент внезапности оказался ключевым в этой победе.

Американцы начали с того, что имитировали подготовку штурма Нью-Йорка. В их палаточный лагерь на берегу Гудзона ежедневно прибывали груженные подводы и уезжали пустые, суда подтягивали понтоны, строились десантные баржи, по ночам горели костры. На самом же деле десятитысячная армия незаметно покинула свои позиции и быстрыми маршами двигалась на юг. Там, в Вирджинии, британский корпус под командой генерала Корнваллиса неосторожно запер себя между устьями двух рек: Джеймс и Йорк. Французский флот, вошедший в Чезапикский залив, отрезал возможность отступления морем. После кровопролитной двухмесячной осады Йорктаун был взят, и британцы капитулировали.

Это было последним крупным сражением Войны за независимость. Мир подписали в Париже летом 1783 года. Но выработка конституции нового государства,

² Chernow, Ron. Washington. A Life. New York: The Penguin Press, 2010, p. 226.

восстановление разрушенного хозяйства, залечивание ран тянулись еще долго. В какой-то момент хаос достиг такой степени, что близкие соратники Вашингтона просили его взять бразды правления в свои руки, даже принять корону. Но Вашингтон, отслужив два срока на посту президента, ушел в отставку. Когда об отказе от короны узнал английский король Георг Третий, он воскликнул: «Это величайший человек нашего века»³.

Греция

Турки-османы, покорившие Византию и завоевавшие Константинополь в 1453 году, три с половиной века господствовали над народами Балканского полуострова. В глазах победоносных кочевников эти земледельцы, питавшиеся тем, что растет из земли, не знавшие «истинного Бога», говорившего устами пророка Мухаммеда, были людьми низшего сорта. Все они обозначались словом *гауаһ* — «райя», то есть «скот». Им запрещено было носить оружие и ездить верхом. Они должны были платить налог с каждой головы — за это им разрешалось сохранять голову на плечах и даже молиться своему Христу⁴.

Православный патриарх в столице Оттоманской империи и назначаемые им епископы выполняли для турецких султанов роль местной администрации, управлявшей христианскими подданными. Так как Коран запрещал финансовую деятельность, банкирами и купцами становились греки, армяне, евреи. Но ограничения, накладываемые на них, приводили к тому, что экономика страны оставалась крайне отсталой. Британский посол в Стамбуле писал, что за шесть дней пути в провинции ему не попалось ни одной деревни, в которой путешественник мог бы купить еды, он питался только собственными запасами⁵.

На греческих крестьян, трудившихся в долинах, часто нападали шайки грабителей, укрывавшихся в горах. Также и корсары всех сортов устраивали налеты на приморские города и деревни. Явление это сделалось таким распространенным, что турецкое правительство наконец разрешило грекам иметь оружие для самообороны. Ведь ограбленный и разоренный крестьянин не мог уплатить налог, а казна остро нуждалась в постоянном притоке средств для войн, которые Турция вела с Австрией, Россией, Персией и итальянскими республиками.

Наполеоновские армии обошли Балканский полуостров стороной. Но веяния Французской революции проникали в Грецию через многочисленные колонии греков-эмигрантов, обосновавшихся в европейских городах. Также и в Российской империи православные греческие беглецы находили приют, особенно на берегах Черного моря и в Крыму, аннексированном у Турции в 1783 году.

«Образованные греки в Европе были восприимчивы к идеям либерализма и национальной независимости... В создаваемых ими общинах строились церкви и школы, открывались библиотеки и издательства»⁶. Внутри Оттоманской империи религиозные чувства тоже усиливали националистические тенденции, подогревали враждебность к угнетателям-мусульманам. Недаром восстание в Пелопоннесе началось с вызова, брошенного турецким властям митрополитом Патроса: вопреки их запрещению он водрузил крест на своей церкви 25 марта 1821 года, и этот день до сих пор отмечается в Греции как праздник независимости⁷.

³ Ibid., p. 757.

⁴ Eliot, Alexander. Greece. New York: American Heritage Publishing Co., 1972, p. 183.

⁵ Ibid., p. 188.

⁶ Finkel, Caroline. Osman's Dream. The Story of the Ottoman Empire 1300–1923. New York: Basic Books Group, 2005, p. 431.

⁷ Ibid., p. 429.

В том же марте небольшая армия греков проникла на территорию империи с востока. Ее вел бывший флигель-адъютант русского царя, грек Александр Ипсиланти. Он надеялся поднять восстание в Молдавии и Валахии, но надежды эти не оправдались. Турецкая армия отразила вторжение, а на подавление восстания в Пелопоннесе был направлен большой корпус из Египта. Возбешенный султан Мехмед Второй потребовал, чтобы патриарх Григорий Пятый подверг бунтовщиков анафеме. Патриарх подчинился, но, несмотря на это, вскоре был повешен на воротах своего дворца в Стамбуле⁸.

Жестокость, с которой подавлялось восстание греков, вызвала шумные протесты в Европе. С осуждениями выступали Гёте, Шиллер, Гюго, Перси Шелли, лорд Байрон. Французский художник Делакруа нарисовал картину «Резня на Хиосе»⁹, которая произвела такой же эффект, как сто лет спустя «Герника» Пикассо. Но у греков не было политического единства. Простой народ ненавидел турок и при любой возможности отвечал резней на резню. Верхние же слои купечества и церкви считали, что Оттоманская империя надежнее защищает их привилегии, чем это будут делать революционно настроенные националисты, если им удастся добиться независимости.

Карательный корпус из Египта высадился на Пелопоннесе в феврале 1825 года. Один за другим он завоевывал города, захваченные повстанцами. Афины держались дольше других, но и они капитулировали после долгой осады¹⁰. Зато на море война продолжалась. Небольшие маневренные бригады греков, базировавшиеся на островах, смело нападали на турецкие суда, затрудняли работу морских коммуникаций. Они часто применяли диверсии с использованием брандеров — подожженных кораблей, которые команда направляла на вражеский флот и покидала лишь в последний момент.

Летом 1826 года султан Мехмед Второй зачем-то попытался провести реформу корпуса янычар. Маскируя ее ссылками на Коран и другие священные тексты, он, по сути, попытался расколоть эту элитарную гвардию на две части. Янычары воспротивились, подняли восстание в Стамбуле, начали грабить и жечь дома, охотиться за министрами, которых они считали инициаторами реформы. Для подавления бунта султану пришлось использовать регулярные войска, численность которых историки оценивают в 20 тысяч и больше. Артиллерия открыла огонь по казармам янычар, множество восставших погибло в начавшемся пожаре¹¹.

Можно задать себе вопрос: почему в момент тяжелой борьбы с восставшими греками султан решился на военные реформы, которые наверняка должны были спровоцировать янычар на вооруженный протест? Не было ли это связано с тем, что весной 1826 года до Стамбула должны были дойти вести о восстании декабристов в Петербурге? Бунт собственной гвардии — вот главная угроза, всегда висящая над головой единовластного повелителя, и ради отражения ее он готов на время забыть все остальные.

Войны за независимость редко достигают успеха без мощной военной помощи извне. Но кто мог бы прийти на помощь грекам? Для католиков Австрии и Италии православные жители Оттоманской империи были еретиками, не стоившими того, чтобы защищать их от мусульман. Все же российским дипломатам удалось создать антитурецкую коалицию, и в 1827 году к берегам Греции подошел соединенный флот Франции, Британии и России¹².

⁸ Ibid., p. 430.

⁹ Ibid., p. 432.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid., p. 435.

¹² Eliot, op. cit., p. 195.

Монархи, пославшие этот флот, дали своим адмиралам довольно расплывчатые инструкции: припугнуть турок и заставить их уйти из Пелопоннеса. Но гордый командир турецкого экспедиционного корпуса отказался подчиниться и открыл огонь по шлюпу с парламентарями. Это уже был явный предлог для начала военных действий. Объединенная армада вошла в Наваринский залив, и 27 октября 1827 года там завязалось морское сражение, в котором турки потеряли 60 кораблей, а нападавшие — ни одного¹³.

В следующем году Россия начала войну с Турцией на Кавказе, закончившуюся полной победой российской армии под командой генерала Паскевича. Пользуясь ослаблением Османской империи, Дмитриус Ипсиланти прошел со своим войском через Аттику и Беотию и осенью 1829 года разбил турок под Фивами. В 1830 году в Лондоне был подписан протокол, объявлявший Грецию независимым государством¹⁴.

Первым лидером новой республики стал Иоанн Каподистриас, который в свое время был министром иностранных дел российского императора Александра Первого (совместно с Нессельроде). Ему досталось управлять народом, представлявшим бурлящую массу враждующих и соперничающих группировок, не имеющих никакого опыта свободной жизни под властью законов. Страна оказалась на грани гражданской войны. Внешним силам снова пришлось вмешаться. Франции, Британии, России и Баварии удалось договориться, и они совместными усилиями объявили Грецию королевством. На трон в 1833 году был возведен семнадцатилетний баварский принц Отто Первый. Столицей стали Афины, где вскоре построили королевский дворец и университет¹⁵. После двухтысячелетнего перерыва греки вернулись в семью независимых народов.

Польша

Лондонский протокол, объявлявший об этом событии, был обнародован в 1830 году. Можно ли считать случайным совпадением то, что в этом же самом году вспыхнуло восстание на польских землях, находившихся под властью Российской империи? Независимая Греция, конечно, добавила решимости полякам. Но еще больше должна была их вдохновить Июльская революция во Франции, покончившая с правлением династии Бурбонов.

Описанию долгой борьбы поляков за независимость мы должны предпослать хотя бы краткий обзор того, как они эту независимость утратили. Что должно было произойти, чтобы страна, простиравшаяся в XVII веке от Балтийского моря до Черного, побеждавшая Россию, Турцию, Австрию, Швецию, вдруг исчезла с карты Европы?

Политическое устройство Польши с самого начала представляло собой уникальный гибрид монархического и аристократического правлений, немного напоминающего венецианский вариант. Знатная верхушка страны, шляхта, собиралась на свои сеймы для обсуждения важных государственных дел и для выборов очередного короля. Однако решение большинства не делалось обязательным для меньшинства. Любой шляхтич имел «право вето», он мог встать на собрании и выразить свой протест, что аннулировало принятое решение. Это открывало возможность для иностранных правительств вмешиваться в борьбу за власть. Так, например, в 1733 году сейм избрал королем Станислава Лещинского. Но Россия

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid., p. 198.

¹⁵ Ibid., p. 199.

и Пруссия поддержали меньшинство, выступавшее за удобного им претендента, Августа Третьего Саксонского, победили в разразившейся «Войне за польское наследство», и Август Третий сделался их послушной марионеткой на 30 лет своего правления¹⁶. Русский историк Ключевский имел полное право сказать, что «польская конституция была узаконенной анархией»¹⁷.

Польша, ослабленная политически и экономически, стала игрушкой дипломатических интриг своих грозных соседей. «После второго раздела (1793) десятиллионная Речь Посполитая... сократилась в узкую полосу между средней и верхней Вислой и Неманом... Восстание 1794 года с объявлением войны России и Пруссии и с диктатурой Костюшко было предсмертной судорогой Польши... Конвенция трех держав, поделивших между собой остаток страны, закрепила международным актом падение польского государства (13 октября 1795 г.)»¹⁸.

Вторжение в эти страны наполеоновских войск вернуло полякам надежду на независимость. Они смело сражались за Бонапарта под Мадридом и под Москвой, но в 1815 году все надежды были окончательно разбиты.

Правда, следует отдать должное тому, как повела себя победившая Россия. На Венском конгрессе, где решались послевоенные судьбы стран и народов, царь Александр Первый настоял на предоставлении полякам широкой автономии внутри монархий, в которых они проживали. В российской части «была выработана конституция, по ней законодательная власть принадлежала избираемому сейму... Так случилось, что завоеванная страна получила учреждения более свободные, чем какими управлялась страна-завоевательница»¹⁹.

Воцарение Николая Первого положило конец либеральным преобразованиям его предшественника. Напуганный восстанием декабристов (1825) и революционным брожением в Европе, он считал своим долгом подавлять все свободолюбивые порывы в своей империи. И когда поляки, ободренные французской Июльской революцией, восстали в ноябре 1830 года, он без промедления отдал приказ своим войскам подавить этот мятеж.

Как это всегда бывает, в рядах восставших не было единства. Дальнозоркие, провидя безнадежность чисто военного противостояния, склонялись к выдвижению умеренных требований и лозунгов. Близорукое большинство рвалось покончить с властью захватчиков и объявило своей целью свержение российского императора²⁰. «Чем мы хуже французов, свергнувших своего монарха?!» Они начали с атаки на резиденцию российского губернатора, великого князя Константина, брата царя. Во главе польского правительства встал князь Адам Чарторыйский, пользовавшийся большим авторитетом в своей стране и в Европе.

Военные действия продолжались в течение года. Поляки не раз проявляли отменное мужество, но их разрозненные отряды не могли противостоять регулярным русским войскам, ведомым опытным генералом Паскевичем. В октябре 1831 года осажденная Варшава капитулировала, и начались аресты, казни, высылки в Сибирь, конфискации и усиленная русификация покоренных территорий. Были закрыты университеты, прекращена деятельность сейма, запрещены любые военные организации²¹.

Европейское общественное мнение выступало с бурными протестами, на которые Пушкин откликнулся знаменитым пророссийским стихотворением «О чем

¹⁶ Halecki, Oscar. A History of Poland. New York: Roy Publishers, 1966, p. 185.

¹⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории М.: Госполитиздат, 1956, т. 5, с. 53.

¹⁸ Там же, с. 59.

¹⁹ Там же, с. 231.

²⁰ Halecki, op. cit., p. 233.

²¹ Ibid.

шумите вы, народные витии?». Но никакой реальной военной помощи польское восстание не получило. Франция, так активно помогавшая американцам и грекам в их борьбе за независимость, здесь ограничилась дипломатическими нотами. И причина этой сдержанности была очевидна: прямая помощь означала бы конфронтацию не только с Россией, но и с Австрией и Пруссией, которые отнюдь не желали пробуждать надежды на независимость у поляков, проживавших внутри их границ.

То же самое произошло и тридцать лет спустя, во время Польского восстания 1863 года. Франция, Англия, папа римский направляли ноты в Санкт-Петербург, но не пушки и порох в Варшаву. Туда прибыл с большим войском генерал Муравьев, который своими суровыми карами заработал прозвище «Вешателя». Но общественное мнение в России было настроено решительно против поляков. Поэты Тютчев и Некрасов приветствовали строгости Муравьева, поэт Фет писал Толстому, что он готов снять саблю со стены и идти «рубить ляха без жалости». Один Герцен в лондонской эмиграции вступился за восставших, но после этого популярность его «Колокола» в России резко пошла вниз.

Только разгром Австрии и Германии в Первой мировой войне дал Польше реальный шанс на обретение независимости. Но и тут, чтобы это произошло, молодая польская армия под командой генерала Юзефа Пилсудского должна была отчаянно отбиваться от большевистских корпусов Буденного и Тухачевского, подступавших к Варшаве в 1920 году. Конечно, за последовавший двадцатилетний период между мировыми войнами страна не могла набрать достаточно сил, чтобы выдержать одновременное вторжение полчищ Гитлера и Сталина в 1939 году. Еще полвека должно было пройти, прежде чем распад коммунистического лагеря дал Польше возможность стать по-настоящему самостоятельным государством, завершающим сегодня вступление в индустриальную эру.

«Польская спесь», «заносчивая шляхта», «гордые ляхи» — эти выражения не зря утвердились в русском языке. Так же утвердились в мировом общественном мнении представления о России как о «тюрьме народов», о вечном «угнетателе», о враге всего талантливого и своеобразного. Но есть один фактор в истории двух соседних славянских народов, который заслуживает внимания, — невероятное число польских фамилий в пантеоне русской славы XIX века.

Конечно, родословную всех проследить невозможно, польские корни часто теряются во мраке ушедших веков, но само такое сгущение не может быть случайным. Должно было существовать в устройстве Российской империи какое-то благотворное начало, чтобы в ней могли созреть и творить литераторы Баратынский, Гоголь-Яновский, Достоевский, художники Генрих Семирадский, Михаил Врубель, Казимир Малевич, ученые Николай Лобачевский, Софья Ковалевская, Константин Циолковский, исследователи Николай Пржевальский и Леон Барщевский, философы Николай Лосский и Василий Зеньковский. Число офицеров и генералов польского происхождения, прославившихся на службе русским императорам, перевалил за тысячу, даже знаменитый Григорий Потемкин был из известного польского рода Потемпковских.

Думается, это «благотворное начало» напрямую связано с тем, что Петр Первый в своей борьбе с засильем знатного боярства ввел в начале XVIII века так называемую Табель о рангах. Это была система, позволявшая неродовитым, но одаренным и энергичным молодым людям подниматься по лестнице чинов как военных, так и статских в соответствии с проявленными способностями и исполнительностью. Переход в православие сильно помогал карьере, но вообще иностранцы и иноверцы не подвергались дискриминации, костелы, кирхи, мечети имелись в обеих столицах и других крупных городах. В дворянском сословии множество родов вели свою

историю от татар, ливонцев, шведов, шотландцев, немцев, греков и, конечно, поляков, поступавших на службу к русским царям. Не здесь ли таится разгадка могущества Российской империи, только возроставшего на протяжении двух веков?

Италия

В сознании русского читателя слова «История Италии» вызовут первым делом блистательную эпоху Возрождения, потом воображение сразу перенесет его в век двадцатый: Муссолини, Вторая мировая война, расцвет «неореализма» в кинематографе — Висконти, Феллини, Антониони, Бертолуччи. А что же было в промежутке, хотя бы в XIX веке? Кажется, там бунтовали какие-то карбонарии, геройствовал Артур из романа «Овод», Жерар Филип печально смотрел на двор тюрьмы из окна «Пармской обители». Еще русские художники обучались живописному мастерству, а Гоголь в добровольном изгнании сочинял «Выбранные места из переписки с друзьями».

Было бы несправедливо обвинять россиянина в плохом знании истории. Ибо в первой половине XIX века не было на карте Европы такой страны — Италия. Весь Апеннинский полуостров и прилегающие острова были поделены между соседними империями так же основательно, как и Польша. Даже итальянский язык с трудом выживал в образованном слое, а народ общался при помощи местных диалектов, и житель Калабрии лишь с большим трудом мог бы понять жителя Ломбардии. 75 % были неграмотны²².

Все же после потрясений наполеоновской эры новое поколение итальянцев заразилось мечтой вернуть народу былое единство и славу, утолить жажду национального сплочения. Среди революционеров большой авторитет приобрел Джузеппе Манзини, создавший организацию «Молодая Италия». Этим мечтателям приходилось вступать в противоборство с могучим и безжалостным полицейским аппаратом двух империй — Австрийской в северных районах и Испанской в южных. «Обладание оружием или распространение республиканской пропаганды каралось смертью. Многие патриоты были повешены, брошены в тюрьму, подвергнуты бичеванию. Оккупационная полиция австрийцев избивала даже женщин»²³.

Тем не менее спонтанные бунты вспыхивали то в одном месте, то в другом: в Генуе в 1835 году, в Сицилии в 1837-м, в Калабрии в 1844-м, в Римини в 1845-м. В 1848 году волна революций прокатилась по всей Европе, не обошла она и Италию. В марте восстали жители Милана, изгнали австрийский гарнизон. Вскоре их примеру последовали венецианцы, они провозгласили создание республики. Итальянцы, жившие в независимом Сардинском королевстве (Пьемонт), объявили войну Австрии, которая в это время была отвлечена подавлением восстаний в Чехии, Венгрии, даже в столице Вене²⁴.

Как и следовало ожидать, европейские монархии выступили единым фронтом против революционных движений. Им было гораздо легче находить общий язык, чем разрозненным сторонникам республиканского правления. Умеренный средний класс в Италии с большим подозрением относился к идеям Манзини, который призывал к всеобщему избирательному праву и чуть ли не к социализму в духе герцога Сен-Симона. Республиканцы вынуждены были отступить на всех фронтах, восстание в Риме было подавлено. Сицилия снова стала частью Неаполитанского королевства, в котором правили испанские Бурбоны. Венеция после шестинедельной

²² Shinn, Rinn. Italy. A Country Study. Washington: American University, Foreign Area Studies, 1986, p. 32.

²³ Whelpton, Eric. A Concise History of Italy. New York: Roy Publishing, Inc., 1964, p. 175.

²⁴ Ibid., p 171.

осады капитулировала перед австрийцами. Первая война за независимость Италии закончилась поражением патриотов²⁵.

Дальше следуют десять лет брожения, собирания новых сил, поисков новых союзников. В эти годы только северо-запад Апеннинского полуострова оставался итальянским и назывался Королевством Сардиния или Пьемонтом, со столицей в Турине. Премьер-министром там в 1852 году стал талантливый политик Камилло Кавур. Он сумел поднять международный престиж Пьемонта, присоединившись к англо-французской коалиции в Крымской войне. Войдя в секретные переговоры с Наполеоном Третьим, Кавур заручился поддержкой Франции и в 1859 году решился на борьбу с Австрией за освобождение Ломбардии. Так началась вторая война за независимость Италии.

Пьемонтцы выдерживали натиск австрийцев достаточно долго, чтобы французы подоспели к ним на помощь. Австрийская армия была разбита при Монтебелло, при Магенте, при Солферино, также удалось освободить Милан. Но на мирных переговорах Наполеон Третий не проявил достаточной твердости в отстаивании интересов своих союзников-итальянцев. Тем более что в это время Пруссия пригрозила вмешаться в войну на стороне Австрии. Только Ломбардия была присоединена к Пьемонтскому королевству²⁶.

Зато в Центральной Италии, ободренные победами на севере, подняли успешное восстание карбонарии. Эта секретная организация была самой сильной из подпольных группировок. Структура ее напоминала масонские ложи, но, в отличие от интернациональных устремлений масонов, карбонарии нацеливали свою деятельность исключительно на Италию и оставались в рамках христианских идеалов и вероучения. Король Пьемонта Виктор Эммануил Второй двинулся во главе своей армии в направлении Рима.

В эти же месяцы революционные события разворачивались в Сицилии. Там Гарибальди собрал армию из тысячи патриотов, которые называли себя «краснорубашечниками». С невероятной легкостью это войско завоевало весь остров, пересекло пролив, взяло Неаполь и тоже двинулось на Рим. Гарибальди был последователем Манзини, пьемонтцы с большой опаской относились к его радикальным идеям. Политическая рознь грозила перерасти в вооруженное противостояние, когда две армии стали друг против друга в окрестностях Рима.

Многие сторонники Гарибальди настаивали на том, чтобы он объявил Южную Италию республикой. Он колебался, но в конце концов решил, что единство страны важнее. Он признал Виктора Эммануила королем объединенной Италии. Пьемонтцы завершили разгром армии Неаполитанского королевства. 17 марта 1861 года в Турине было торжественно провозглашено создание королевства Италия — парламентской монархии²⁷. Правда, избирательные права в новом государстве предоставлялись только тем жителям, которые платили значительные налоги. Это привело к тому, что, по данным 1870 года, в выборах участвовали только 2 % населения²⁸.

Ирландия

В своих отношениях с Ирландией в XVII—XVIII веках Англия была похожа на богатое семейство, которому приходится терпеть бедную и скандальную родню, живущую за ручьем: совсем порвать с нею будет как-то не по-божески, а пригласишь

²⁵ Ibid., p. 173.

²⁶ Shinn, op. cit., p. 29.

²⁷ Whelpton, op. cit., p. 181—82.

²⁸ Shinn, op. cit., p. 32.

в гости, так и жди свары, драки, разбитых окон, оскорблений гостям и хозяевам. Но потеря заокеанских колоний в Америке в 1783 году подтолкнула Вестминстер принять решительные меры по улучшению отношений: было объявлено о создании отдельного ирландского парламента, которому вручалась вся законодательная власть на острове. Исполнительная власть оставалась в руках губернатора, присылаемого из Лондона²⁹.

Эта реформа утихомирила сепаратистские настроения — но ненадолго. Вдохновленные французской революцией радикалы в 1791 году создали общество «Объединенные ирландцы», возглавленное Вольфом Тоном. Снова начались бунты, стычки, поджоги поместий. Посреди войны с наполеоновской Францией все это представляло серьезную опасность. Премьер-министру Питту-младшему удалось в 1800 году провести новую реформу: объединить британский парламент с ирландским. Ирландцы получили 100 мест в палате общин и 32 в палате лордов³⁰.

Но как примирить разницу религий? В 1829 году лидер ирландских националистов О'Коннелл был избран в парламент. По закону при вступлении в депутатскую должность он обязан был присягнуть английскому монарху, признавая его главой церкви. Формально это означало, что депутат-католик признает главой своей церкви не папу римского, а британского короля. О'Коннелл отказался присягнуть и был исключен из парламента. Вся католическая Ирландия ответила взрывом возмущения, шаткий союз между двумя народами снова затрещал³¹.

В середине XIX века к политическим и религиозным поводам для раздора добавились и экономические. Англия быстро входила в индустриальную эру, ее сельское хозяйство оснащалось механическими сеялками, молотилками, веялками, паровыми мельницами, химическими удобрениями. Отсталая Ирландия не могла конкурировать с ней. Экспортировать ей удавалось только продукты животноводства и шерсть. Это означало расширение пастбищ и сокращение территорий для посева. Мелкие арендаторы беднели, не могли выплачивать ренту, с трудом выживали на картошке. И тут, как казни египетские, их единственный источник пропитания был поражен загадочной эпидемией.

По-английски это заболевание картофеля называется blight, на научном русском — «альтернариоз», или «раннее увядание». Возбудитель образует множество спор, которые распространяются ветром или брызгами дождя. В 1845 году в Ирландии погиб почти весь урожай картофеля, и это бедствие повторилось еще три раза. «Великий голод» остался страшным пятном в истории страны.

Британское правительство пыталось прийти на помощь, но без большого успеха. Население в Ирландии почти не пользовалось деньгами, в сельской местности не было сети лавок, где можно было бы купить продовольствие. Крестьянин обычно оплачивал ренту своим трудом, а питался тем, что выращивал в огороде. Благотворительные организации отправляли маис из США, но ирландцы не знали, как превращать твердые зерна в муку. По разным оценкам, от голода погибло больше миллиона человек.

Другим следствием этого бедствия сделалась массовая эмиграция в Америку и Канаду. «Они набивались в любое суденышко, какое подвернется. К этим кораблям прилипло название „плавучие гробы“. Каждый девятый эмигрант умирал в пути. К 1851 году уровень эмиграции достиг четверти миллиона в год, и это продолжалось и в последующие годы»³². Конечно, народное сознание должно было отыскать

²⁹ Sears, Stephen W. (editor). History of the British Empire. New York: Heritage Publishers Co., 1973, p. 404.

³⁰ Ibid., p. 405.

³¹ Ibid., p. 406.

³² Ibid., p. 408.

виновного в такой катастрофе. И оно нашло его. Даже сегодня девять из десяти опрошенных ирландцев скажут вам, что голод был нарочно устроен англичанами.

Во второй половине XIX века терроризм становится частью политической жизни Европы. В Италии террористы стали известны под именем карбонариев, во Франции — анархистов, в России — народовольцев, потом эсеров, в Ирландии — фении, фенианцы, потом ИРА (Ирландская революционная армия). В английском парламенте все громче раздавались голоса, призывающие предоставить острову полное самоуправление. Премьер-министр Гладстон несколько раз выносил на голосование этот билль, но его проваливали раз за разом³³.

Трудность состояла в том, что протестанты и католики успели тесно перемешаться в Ирландии. Перспектива оказаться под властью католического большинства внушала ужас протестантскому меньшинству. Как правило, землевладельцы были протестантами, это они взимали ренту с крестьян и становились объектами ненависти, нападений, остракизма. Шумная кампания против одного из них превратила его фамилию в новое слово в английском языке: «бойкот» (Чарльз Бойкот)³⁴.

Пока в парламенте продолжались дебаты, враждующие стороны готовились к вооруженной борьбе. В северных графствах протестантами была создана бригада «Волонтеры Ольстера», и многие офицеры английской армии объявили, что они скорее уйдут в отставку, чем станут воевать против ольстерских добровольцев³⁵. В противовес этим отрядам на юге формировались подразделения «Республиканского братства» — «Волонтеры Ирландии». Деньгами и оружием им активно помогали ирландские общины, обосновавшиеся в США. Летом 1914 года все ждали начала военных стычек. Они не случились только потому, что в августе вспыхнула Первая мировая война.

Это событие на какое-то время притушило внутреннюю вражду. Многие ирландцы смело сражались в рядах британской армии на континенте, их потери за четыре года войны оценивают в 50 тысяч³⁶. Но радикальная часть антибританского движения, наоборот, попыталась воспользоваться удачным стечением обстоятельств и в апреле 1916 года подняла восстание в Дублине. Возглавить его должен был сэр Роджер Кэйзмент, которого немецкая подводная лодка тайно высадила на берег вместе с партией оружия³⁷. (Невольно вспоминается доставка в Петроград в запломбированном вагоне другого политического радикала, осуществленная немцами год спустя.)

Апрельское (или «Пасхальное») восстание не получило широкой народной поддержки. После недели боев в Дублине и окрестностях бунтовщики были разбиты, их лидеры схвачены и казнены, включая и сэра Кэйзмента. Но вражда не утасла и вспыхнула новым пожаром сразу после капитуляции Германии в ноябре 1918 года.

21 января 1919 года 73 депутата английского парламента, объявившие себя полномочным парламентом Ирландии, приняли Декларацию о суверенитете Ирландии, провозгласили Ирландскую Республику и потребовали немедленного вывода английских войск с территории острова. Было сформировано временное ирландское республиканское правительство. Президентом республики был избран лидер Националистической партии Де-Валера. Вскоре начались террористические

³³ Churchill, Winston S., arranged by Commager, Henry Steele. History of the English Speaking Peoples. New York: Barnes & Noble, 1994, p. 456.

³⁴ Sears, op. cit., p. 409.

³⁵ Ibid., p. 411.

³⁶ Roberts, Andrew. A History of the English Speaking People Since 1900. New York: Harper-Collins Publishers, 2007, p. 118.

³⁷ Ibid., p. 113.

акты ИРА против английских властей. Английская полиция противодействовала им, что часто выливалось в боевые действия³⁸.

В 1922 году новорожденная республика была разделена на две части: 26 южных графств были объявлены самоуправляемым доминионом со столицей в Дублине; шесть северных графств остались в составе Британского королевства со своим парламентом в Белфасте. После этого «протестантов, живших на юге, начали грабить, теснить, лишать имущества и земли. Дома, церкви, учреждения поджигали. Случались и массовые убийства... Массовое бегство на север достигло масштабов, каких Британия не знала с XVII века»³⁹.

Раздор проник и в ряды католиков. Партия Шин-Фейн раскололась: одна часть поддерживала новое национальное правительство в Дублине, другая — радикалов ИРА. Она требовала полного разрыва с Англией и оккупации шести северных графств. Летом 1922 года война за независимость переросла в гражданскую войну, в которой уже католики убивали католиков.

Английский писатель Рой Керридж так охарактеризовал особенности ирландского национализма: «У них с незапамятных времен существовала каста воинов, которая сегодня называется ИРА. Их нельзя назвать патриотами, потому что в прошлом они были готовы призывать на роль правителей испанцев, французов, немцев — лишь бы навредить Англии. Мы, англичане, останемся навсегда врагами в глазах касты воинов, что бы мы ни делали»⁴⁰.

История терроризма, развязанного ИРА в Ольстере в годы после Второй мировой войны, подтверждает это печальное наблюдение. Казалось бы, что стоит радикалам католикам просто переехать из ненавистного протестантского Ольстера в соседнюю независимую католическую Ирландию? Нет, они предпочитают оставаться там, убивать протестантов и провоцировать их на ответные убийства.

Помню, после очередного теракта в Белфасте сострадательная англичанка горячо говорила мне:

— Мы должны уйти, уйти оттуда!

— Мэри, — сказал я, — там семьдесят процентов населения — англичане, которые в ужасе от перспективы оказаться под властью католического большинства в Ирландии.

— Неважно! — воскликнула сердобольная Мэри. — Главное — чтобы мы не отвечали за всю эту кровь.

Экзамен на суверенность

После окончания Второй мировой войны новые независимые государства стали возникать на карте земного шара чуть ли не каждый месяц. И почти все эти «рождения» сопровождалось свирепыми военными конфликтами или террором. Выход Индии и Пакистана из Британской империи (1947) унес около полутора миллионов жизней, потом к этому добавились еще сотни тысяч при отделении Бангладеша от Пакистана (1971). Создание Израиля (1948) вызвало такую волну возмущения в мусульманском мире, что война израильтян за независимость, по сути, длится до сих пор. Возникновение независимых государств в Африке затянуло весь континент кровавым туманом так, что наш мысленный взор уже не поспевает следить за заголовками новостей, сообщающих каждое утро о новых боях, вторжениях, свержениях правителей, терактах.

³⁸ Sears, op. cit., p. 411.

³⁹ Roberts, op. cit., p. 166.

⁴⁰ Ibid., p. 112.

При своем возникновении Организация Объединенных Наций насчитывала 50 членов (1945). Сегодня их число достигло 193. Развал СССР и Югославии вызвал рождение двух десятков новых государств и беспрецедентное число военных столкновений и погромов. Мало кто из политиков решится говорить о несовместимости двух лозунгов, двух догматов, утвердившихся в правилах международных отношений наших дней: ненарушимость границ и право любого народа на создание независимого государства. Каждая супердержава может извлекать тот или иной догмат по мере надобности и украшать им свою политическую демагогию. Так и получается, что два месяца бомбить сербов ради создания независимого албанского Косова — дело похвальное и гуманное, а бескровное и добровольное присоединение двух миллионов этнических русских, живущих в Крыму, к своей исторической родине — это такое грубое нарушение неприкосновенности границ независимой Украины, что прощения ему не может быть никогда.

Из нашего исторического обзора мы имеем право сделать такой вывод:

Чтобы достичь статуса суверенности, каждому народу приходится на деле доказывать свою способность создать жизнеспособную социальную постройку, оснащенную политическими, экономическими и военными атрибутами независимого государства.

Далеко не всем это удавалось. У международной дипломатии нет критериев, по которым можно было бы принимать у разных этносов «экзамен на зрелость». Именно поэтому им так часто приходится прибегать к вооруженной борьбе. Долго тянулась война тамиллов за выход из Шри-Ланки (Цейлон), но кончилась поражением. Чеченцы дважды воевали в 1990 за отделение от России — и тоже тщетно. Скоро исполнится сто лет упорной борьбы курдов за создание своего государства, но для этого необходимо отнять какую-то часть территории у Турции, Сирии, Ирака — а кто же согласится на это добровольно? Конца не видно борьбе за создание государства для палестинцев.

В студенческие годы мы знали, что исход экзамена может быть тройким: провалил, сдал или «сдал условно». Сегодня на карте мира есть несколько образований, имеющих статус «условной независимости». Им как бы дан испытательный срок: выживут или нет? Таков армянской Нагорный Карабах посреди Азербайджана. Таково Приднестровье, зажатое между Украиной и Молдавией. Таков Северный Кипр. Таковы Абхазия и Южная Осетия, отделившиеся от Грузии с помощью России. Возможно, такая же судьба ждет и две республики в Донбассе, пытающиеся отделиться от Украины. Независимость Тайваня сегодня признают только 22 других государства. Не вполне ясным остается статус Пуэрто-Рико.

Феодално раздробленная Европа средних веков постепенно заполнялась крупными монархиями. Немецкие княжества и графства держались за свою независимость дольше других. Но постепенно и они увидели, что рядом с могучей Францией, Австрией, Турцией, Россией это будет невозможно, и поддались нажиму Пруссии в сторону создания единой Германии.

Сегодня, похоже, в мире происходит обратное движение. При усилении гуманных и миролюбивых идеалов малые народности утрачивают нужду в военной защите государства-сюзерена и легче поддаются сепаратистским настроениям. Сильный импульс к отделению мы видим в Шотландии, Каталонии, Басконии, Квебеке, Тибете, Кашмире. Даже в Калифорнии поговаривают об отделении от США, в Интернете можно уже найти и эскиз будущего флага новой республики. Если эта тенденция будет продолжаться, зданию ООН в Нью-Йорке скоро придется перестраиваться, чтобы вместить делегации удвоившегося и утроившегося числа независимых наций.